

РАССЛЕДОВАНИЯ ДОКТОРА ПЕЛЛЭМА

Дионисий Шервуд

Дионисий Шервуд

Расследования доктора Пеллэма

«Автор»

2026

Шервуд Д.

Расследования доктора Пеллэма / Д. Шервуд — «Автор», 2026

Лондон начала XX века. Город, где туман скрывает не только улицы, но и границы между наукой и тем, что не поддаётся разумному объяснению. Доктор Артур Пеллэм — учёный, антиквар и исследователь странных явлений — привлекается к расследованиям, в которых привычные методы Скотленд-Ярда оказываются бессильны. Запертые комнаты, исчезновения без следов, тени, живущие собственной жизнью, и предметы, хранящие память о давно забытых событиях, становятся частью его повседневной работы. Пеллэм не верит в мистику, но и не отрицает того, что мир куда сложнее, чем кажется. Он ищет истину на границе логики и ужаса, где каждое открытие может изменить представление о реальности. Эти расследования — не просто поиск виновных, а столкновение с тайнами, которые лучше было бы не тревожить.

© Шервуд Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тень на стене	5
Тень иного бытия	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дионисий Шервуд

Расследования доктора Пеллэма

Тень на стене

Лондон, октябрь 1902 года

Моноotonно идущий дождь, начавшийся ещё глубокой ночью, как-то слишком прижился за окнами кабинета, превращавшая мир университетского квартала в размытую акварель. Свинцовые струи без устали стекали по стеклам, искажая очертания колокольни и оголённых ветвей платанов. Внутри же, за толстыми каменными стенами, царила особая, замкнутая вселенная, пахнувшая старой бумагой, воском для полировки дубовых панелей и слабым, но стойким запахом вековой пыли, смешанной с ароматом хорошего табака.

Доктор Артур Пеллэм, отодвинув в сторону стопку студенческих работ с размашистыми красными пометками на полях, с почти чувственным наслаждением погрузился в куда более приятное занятие – разбор посылки, только что прибывшей из Рима. На столе, застеленном зелёным бархатным сукном, уже лежали дюжина свинцовых "tabellae defixionum"¹ – табличек с проклятиями. Крошечные, убористо исписанные буквы, выцарапанные рукой давно канувшего в лету мастера, вызывали у него куда большее волнение, чем любая поэма Вергилия. Эти тёмные, отчаянные послания из прошлого, адресованные богам преисподней с просьбами наслать немощи на обидчиков или конкурентов, были куда красноречивее любых официальных хроник. В них была заключена голая, не приукрашенная человеческая сущность – страх, злоба, отчаяние.

Он взял одну из табличек, ощутив под пальцами знакомую прохладу и шершавость металла, и поднёс её к свету лампы под зелёным абажуром. Свет выхватил из полумрака глубокие борозды букв. Его сосредоточенность была столь полной, так абсолютно поглощала внешний мир, что он поначалу принял настойчивый стук в дверь за продолжение ритма дождя. Стук повторился и был твёрдый, уверенный, не сулящий ничего хорошего.

– Войдите, – произнёс Пеллэм, не отрывая глаз от надписи, в которой пытался разобрать имя забытого демона.

Дверь отворилась, впустив в уютный, упорядоченный хаос кабинета порыв влажного, холодного воздуха и смутную фигуру в проёме. Пеллэм наконец поднял взгляд, слегка поморщившись в ответ на столь бестактное вторжение на его территорию.

На пороге стоял коренастый, крепко сбитый мужчина лет пятидесяти, в промокшем насквозь макинтоше цвета хаки и котелке, с которого на щербатый паркет стекали тонкие струйки воды. Его лицо, с живыми, но в данный момент уставшими и недовольными, глазами, тяжёлой челюстью и крепко сжатым ртом, дышало энергией улицы, резко контрастируя с затхлой, интеллектуальной атмосферой кабинета. Он тяжело дышал, словно поднялся по лестнице бегом, и от его всей фигуры веяло таким бескомпромиссным реализмом, что казалось, он одним своим присутствием способен распугать всех призраков истории, обитавших на этих полках.

– Профессор Пеллэм? – спросил он без особых церемоний, хрипловатым голосом человека, привыкшего, что его слушают всегда.

¹ (Tabellae defixionum) – это древние свинцовые таблички с заклинаниями или проклятиями, которые использовались в греко-римском мире для наложения на кого-либо магического воздействия. Они часто содержали просьбы к богам о причинении вреда соперникам в любви, в суде или на гонках. Название происходит от латинских слов, означающих "проклятие" и "связывание".

– К вашим услугам, – вежливо кивнул Пеллэм, жестом приглашая войти. Он неохотно отложил табличку в сторону и пристально разглядывал вошедшего человека. – Вы, я вижу, изволили промокнуть до нитки. Погода сегодня, что называется, не для прогулок. Пожалуйста, проходите.

Незнакомец шагнул вперёд, снял котелок и, не глядя, с привычной точностью, повесил его на стоящую в углу готического вида вешалку из тёмного дерева. Его взгляд, быстрый и оценивающий, скользнул по забитым до потолка книгами полкам, по стеклянным витринам с этрусскими вазами и амулетами, по аккуратно разложенным на соседнем столе черепкам, будто пытаясь классифицировать это странное место. Наконец, его глаза остановились на свинцовых табличках в руках Пеллэма. В его взгляде читалась откровенная насмешка, смешанная с глубочайшим недоумением. Что за человек, спрашивал этот взгляд, может всерьёз заниматься такой ерундой?

– Инспектор Хоуксби, Скотленд–Ярд, – отрекомендовался он, доставая из внутреннего кармана слегка влажное, но официального вида удостоверение. – Мой начальник, сэр Гилберт, считает, что вы можете быть полезны в... гм... – он слегка запнулся, словно нужное слово было неприятным на вкус, – нестандартных делах.

Пеллэм медленно отодвинул табличку по бархатному сукну на столе. Его лицо, обрамлённое аккуратной седеющей бородкой, оставалось невозмутимым, но в уголках его серых глаз заплясали весёлые искорки. Он с наслаждением выкурил свою трубку, и теперь ему подали новую, столь же замысловатую.

– А, сэр Гилберт! – воскликнул он с лёгкой улыбкой. – Да, конечно, вспоминаю. Мы пересекались на моей публичной лекции о средневековых суевериях как социальном явлении. Человек с весьма... живым, я бы сказал, практически неуёмным воображением. Очень милый джентльмен.

– Лично я считаю это тратой времени, – отрезал Хоуксби, пряча удостоверение обратно в карман с таким видом, будто убирал улику. – Но приказ есть приказ. И, как вы сами изволили заметить, на улице далеко не прогулочная погода. Я бы просто так не потащился через пол-Лондона, чтобы подивиться на ваши... древности.

– В таком случае, инспектор, присаживайтесь, – Пеллэм указал на массивное кожаное кресло по другую сторону стола. – И изложите суть дела, которое заставило сэра Гилберта вспомнить о моей скромной персоне. Проклятиями древних римлян тут, я полагаю, и не пахнет? Разве что исключительно метафорически.

Хоуксби тяжело опустился в кресло, которое жалобно взвизгнуло под его весом.

– Пахнет ерундой, профессор. Чистейшей воды ерундой. Но формально, это дело о пропаже человека. И дело, я вынужден признать, тупиковое. Три дня назад пропал зажиточный торговец кофе, мистер Элджернон Харди. Респектабельный джентльмен, пятьдесят с небольшим лет, без долгов, без видимых врагов, семья в полном порядке. Правда жена с детьми пребывают в шоке.

– И где же он имел неосторожность пропасть? – спросил Пеллэм, сложив пальцы домиком и приставив их к подбородку.

– У себя дома. В Хэмпстеде. В своём собственном кабинете. Удалился туда вечером после ужина, как сказал жене, чтобы его не беспокоили. Утром его там не оказалось.

– Похищение? Шантаж? – предположил Пеллэм.

– Нет признаков борьбы. Следов взлома не замечено взлома, его крика никто не слышал, в помещении ничего перевернутого. Дверь в кабинет была заперта на массивную железную задвижку изнутри. Окно так же закрыто на щеколду. – Хоуксби выдохнул, и в его дыхании слышалось глухое раздражение, направленное на всю эту ситуацию. – Комната на втором этаже. Стена гладкая, оштукатуренная, внизу – ухоженный газон без единого кустика. Ни лестницы, ни верёвки, ни следов на откосах. Просто испарился. Как дым.

Пеллэм все это время внимательно слушал, а его взгляд, до этого рассеянный, стал острым и сконцентрированным, словно у хищной птицы.

– Любопытно, – протянул он. – Настоящая "комната с загадкой", прямо из бульварного романа. Вы проверили слуг? Возможно, у кого-то был дубликат ключа? Или он сам вышел и инсценировал исчезновение?

– Единственный ключ был у самого Харди и мы нашли его в замке изнутри. Задвижку нельзя закрыть снаружи. Слуги – люди проверенные, многие годы трудятся в доме. Мотива ни у кого нет. Да и куда ему самому бежать, профессор? Счета в банке нетронуты, паспорта на месте, чемоданы пылятся на антресолях. – Хоуксби поморщился, словно от неприятного, горького вкуса во рту. Он явно подбирался к самой сути своего визита, к той части, которая вызывала у него наибольшее отторжение. – Вот на этом месте, профессор, и начинается та самая ерунда, ради которой я здесь и нахожусь. Участковый сержант, который впервые осматривал дом, – парень суеверный, сам из девонширской глубинки. Так вот, он допросил одну из служанок, молодую ирландку по имени Бриджит. И та, крестясь и плача, поклялась всеми святыми, что видела в ночь исчезновения мистера Харди "движущуюся тень" на стене дома со стороны сада.

Пеллэм медленно наклонил голову чуть в сторону. Его взгляд выражал живой, неподдельный интерес.

– Тень? – переспросил он. – От чего? От кого?

– Вот именно, профессор, от чего? – в голосе Хоуксби прозвучало почти злорадное удовлетворение. Наконец-то он добрался до абсурдного ядра этого дела. – По её словам, тень была "длинная и скрюченная", не похожая на человеческую, и двигалась она не так, как должна двигаться тень от человека или качающейся ветки. Она, прости господи, "извивалась сама по себе", словно живая. И самое главное – была она не снаружи, от какого-то источника света, а будто бы отбрасывалась изнутри стены, прямо сквозь штукатурку и кирпич. Сержант, дурак, на этом и успокоился. Настоятельно рекомендовал обратиться "наверх". Мол, это не по нашей части. Вот сэр Гилберт, с его неуёмным воображением, и вспомнил про вас.

Инспектор умолк, уставившись на Пеллэма с немым вызовом. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, а его мощные руки лежали на коленях. Казалось, он ждал, что профессор сейчас рассмеётся, пожмёт плечами, назовёт всё это деревенскими сказками и выпроводит его восвояси, к реальным, осязаемым делам – к кражам, грабежам и убийствам.

Но Пеллэм вовсе не засмеялся. Он откинулся на спинку своего стула, его взгляд ушёл куда-то далеко в пространство над головой инспектора, будто изучая невидимые узоры на потолке или выискивая в памяти нужную главу в какой-то книге. В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов на камине и, ставшим уже почти вечным, шепотом дождя за окном.

– Движущаяся тень, – тихо, почти для себя, повторил он. – Независимая от источника света. Исчезновение из запертой комнаты. Факты, инспектор, это не только то, что можно пощупать руками, положить в пакет и приложить к протоколу. Это также, и порой в первую очередь, показания свидетелей, какими бы абсурдными или неудобными они ни казались. Игнорировать их под предлогом их невероятности – значит умышленно сужать поле зрения, надевать на свои глаза шоры.

– Поле зрения? – фыркнул Хоуксби, раздражённо проводя рукой по своему коротко стриженному затылку. – Профессор, я тридцать лет расследую преступления. Я верю в отпечатки пальцев, в алиби, в денежные мотивы, в ревность и в жадность. Я верю, что если дверь заперта на задвижку изнутри, значит, никто не мог из неё выйти. А раз никто не выходил, значит, он всё ещё там. Но мы обыскали каждый дюйм того кабинета! Мы простучали стены на предмет потайных комнат, проверили каминную трубу, вскрыли половицы! Там его нет! Ни живого, ни мёртвого!

– Возможно, вы искали не там, – мягко, но твёрдо заметил Пеллэм. – Или не в том измерении.

Хоуксби смотрел на него с немым, откровенным непониманием. Это слово повисло в воздухе тяжёлым, чуждым грузом.

– Измерении? – переспросил он наконец, и в его голосе прозвучала откровенная насмешка. – Какое ещё измерение? В моём деле всего три измерения: длина, ширина и высота. И все они подчиняются законам, которые ещё ни разу меня не подводили.

– Фигурально выражаясь, инспектор, – Пеллэм плавно поднялся из-за стола и подошёл к окну, глядя на залитый дождём, расплывчатый город. – Мистер Харди исчез из запертой комнаты. Это факт, который вы признаёте. Служанка видела необъяснимую тень. Это тоже факт, каким бы нелепым он вам ни казался. Наша задача не выбирать между ними, а найти связь, логическую или... иную, между этими двумя точками. Отбрасывать одну из них лишь на основании её "неудобства" – ненаучно. Ваш участковый сержант, возможно, не так уж и глуп. Иногда то, что мы с высоты нашего образования высокомерно называем суеверием, является примитивной, но на удивление точной констатацией явления, для которого у современной науки пока просто не нашлось подходящей терминологии.

Он повернулся к инспектору. В его глазах горел тот самый холодный, аналитический огонь, который зажигался в них лишь тогда, когда он сталкивался с новой, по-настоящему неразгаданной тайной. Это был взгляд учёного, нашедшего новый, неизученный вид флоры или фауны.

– Вы сказали, это ерунда, инспектор. Но это ерунда, за расследование которой зажиточные налогоплательщики, вроде семьи Харди, платят правительству, а правительство платит вам. И раз уж вы здесь, исполняя приказ... – он сделал паузу, и на его тонких губах появилась та самая, едва заметная, но безошибочно читаемая улыбка учёного, почуявшего дичь, – возможно, стоит отбросить предубеждения и просто взглянуть на эту самую стену? Ту, что обладает столь своеобразным и независимым теневым репертуаром.

Хоуксби смерил его долгим, тяжёлым взглядом. В его мозгу, привыкшем к чётким, как отпечатки пальцев, схемам и ясным, осязаемым доказательствам, царил настоящий хаос. Этот учёный в его безупречном твидовом костюме, с его древними проклятиями на столе и разговорами о "измерениях", казался ему выходцем с другой планеты. Но в одном этот странный тип был чёртовски прав – приказ есть приказ. А дело Харди было тем самым крепким орешком, который не поддавался ни молотку, ни зубилу стандартных полицейских методов. Оставалось либо списать его в архив как "нераскрытое", либо... попробовать взглянуть на него под этим, дурацким, углом.

Он с глухим стоном, в котором смешались усталость, сопротивление и долг, поднялся с кресла.

– Ладно, – сдался он. – Дом в Хэмпстеде. Поедем? Мой кэб ждёт внизу. Только, ради бога, профессор, не берите с собой эти свои свинцовые штуки. – Он мотнул головой в сторону табличек. – Мне и так есть о чём доложить сэру Гилберту. Ему, я уверен, эта история покажется весьма увлекательной.

Пеллэм взял с вешалки своё пальто и трость с серебряным набалдашником.

– Не беспокойтесь, инспектор. Пока что, – он бросил последний задумчивый взгляд на разложенные артефакты, – я оставляю римские проклятия римлянам. У нас, кажется, появилось дело куда более... современное. И от того, я рискну предположить, не менее тёмное и загадочное.

Он распахнул дверь, пропуская инспектора вперёд, в сырую лондонскую полуденную мглу, в мир, где тени вдруг обрели собственную волю. Расследование начиналось.

Кэб, воняющий мокрой шерстью и дешёвым табаком, с грохотом подъехал к чугунным воротам в Хэмпстеде и высадил своих пассажиров. Дождь немного ослаб, но небо по-прежнему было затянуто сплошным серым одеялом, а в воздухе висела ледяная, пронизывающая влага. Особняк, известный как "Ашер–Хаус", предстал перед ними не мрачным готическим замком, а солидным, даже внушительным зданием викторианской эпохи из темно–красного кирпича. В нём были все приметы респектабельности в виде стрельчатых окон, остроконечных фронтонов и ухоженного палисадника. Но общее впечатление было гнетущим.

– Ну вот, – проворчал Хоуксби, расплачиваясь с кебменом. – Дом как дом. Ни тебе привидений с цепями, ни завываний с кладбища.

Пеллэм ничего не ответил. Он стоял, опираясь на трость, и изучал здание с холодной, аналитической отстранённостью. Его взгляд скользил по стенам, по крыше, по линиям карнизов.

– Вы не находите, инспектор, что он неестественно тёмный? – наконец произнёс он.

– Кирпич старый, погода скверная, – отмахнулся Хоуксби. – Естественно, что мокрый и тёмный.

– Нет, – покачал головой Пеллэм. – Я не об этом. Он не просто тёмный. Он кажется... поглощающим свет. Взгляните на окна. Окружающий мир в них почти не отражается. Словно дом смотрит на вас пустыми, блеклыми глазами.

Хоуксби хмыкнул, но пригляделся. И с неохотой признал, что профессор прав. Окна, даже будучи чистыми, казались плоскими и безжизненными, словно вырезанными из черной бумаги.

У дверей их встретила сама миссис Харди – бледная, с заплаканными глазами женщина в чёрном, сжавшая в руках платок так, что костяшки побелели. Рядом с ней стоял немолодой, с безупречной выправкой дворецкий.

– Инспектор Хоуксби, – представился представитель закона. – А это доктор Пеллэм, наш... консультант. Мы бы хотели ещё раз осмотреть кабинет и... поговорить с девушкой, по имени Бриджит.

– Конечно, конечно, – прошептала миссис Харди. – Бэнкрофт, проводите их. Я... я не в силах...

Дворецкий, Бэнкрофт, молчаливым кивком пригласил их следовать за собой. Внутри дом был таким же респектабельным и мрачным. Он сопровождал гостей тяжёлыми дубовыми буазери, темными портретами предков на стенах, густыми персидскими коврами, приглушавшими шаги. Воздух был неподвижен и пах воском и тлением, как в склепе.

Пеллэм, идя по коридору, внезапно остановился у большого окна в конце, выходящего на западную сторону участка.

– Инспектор, взгляните–ка, – произнёс он, и в его голосе прозвучала та самая нота, которая заставляла Хоуксби внутренне напрягаться – нота охотника, учувшего дичь.

Хоуксби подошёл. За окном открывался вид на глухую боковую стену особняка, уходящую вглубь участка. И на всей её поверхности, от фундамента и почти до карниза второго этажа, ползла она.

Лоза.

Это было нечто совершенно отличное от обычного плюща или девичьего винограда. Стебли её были не тонкими и гибкими, а толстыми, жилистыми, почти древовидными, цвета старой, запекшейся крови. Они прилегали к стене с такой плотностью, словно впились в кирпич шупальцами. Листья, крупные и кожистые, были не просто тёмно–зелёными; они были почти чёрными, с глянцевым, болезненным блеском, впитывавшим скудный дневной свет. Но самым странным был её узор. Растение не просто покрывало стену зелёным ковром. Оно образовывало сложную, запутанную сеть, где главные стебли были похожи на артерии, а более тон-

кие ответвления – на капилляры. Эта сеть уже полностью закрыла одно из окон на первом этаже, и тёмные побеги неумолимо ползли к следующему.

– Вот и всё ваше чудо? – фыркнул Хоуксби, стараясь придать своему голосу уверенность. – Растение как растение. Агрессивный сорт плюща, и только. Почва, должно быть, влажная. Девчонке, Бриджит, просто померещилось в темноте. Я бы лучше обыскал дом ещё раз, проверил слуг. Может, он был в долгах, о которых жена не знает.

Пеллэм не сводил глаз со стены. Он прижался лбом к холодному стеклу, стараясь разглядеть детали.

– "Ficus rumila", инспектор, он же ползучий фикус, который обычно используют для таких целей, разрастается медленно, годами. Эта же... – он сделал паузу, – эта лоза словно питается самим камнем. Посмотрите на плотность прилегания. Она не цепляется, она прирастает. И обратите внимание на узор. Это не хаотичный рост. Это система. Почти как кровеносная. Или нервная. Крайне любопытно.

– Кровеносная система? – Хоуксби с недоверием посмотрел на профессора. – Вы хотите сказать, что дом... жив?

– Я хочу сказать, инспектор, что всё в этом мире стремится к порядку, даже хаос. А эта штука, – Пеллэм указал тростью на лозу за стеклом, – демонстрирует слишком уж явный, слишком осмысленный порядок. И она явно появилась здесь недавно. Служанка не упоминала о ней?

Бэнкрофт, стоявший поодаль, почтительно кашлянул.

– Нет–с, сэр. Этого растения не было ещё неделю назад. Оно... выросло после того вечера. Очень быстро выросло.

Хоуксби замер. Быстрорастущая лоза была уже не таким удобным объяснением.

Кабинет мистера Харди был таким же, как его описывали – просторная, уютная комната. Ничего не было тронуту. На столе стояла недопитая чашка чая, в пепельнице лежал огарок сигары. Пеллэм обошел комнату, не прикасаясь ни к чему. Он подошёл к окну, тому самому, что выходило на западную стену. Снаружи, в нескольких дюймах от стекла, плотной стеной стояла та самая чёрно–зелёная листва, полностью скрывавшая вид.

– Она уже здесь, – тихо заметил Пеллэм. – У самого стекла. За три дня добралась.

Хоуксби молча кивнул. Его прагматичный мир дал ещё одну трещину.

Осмотрев кабинет и не найдя ничего нового, они спустились вниз. Хоуксби занялся формальностями, снова опрашивая дворецкого и других слуг, а Пеллэм попросил отвести его к Бриджит.

Девушку нашли в крохотной комнатке для прислуги у кухни. Сгорбившись, она сидела на табурете и с испугом посмотрела на вошедшего профессора. Это была хрупкая рыжеволосая девушка лет восемнадцати, с бледным, усыпанным веснушками лицом и большими, полными ужаса глазами.

– Мисс Бриджит, – начал ученый, присаживаясь на соседний стул так, чтобы не казаться слишком грозным. – Меня зовут доктор Пеллэм. Я здесь для того, чтобы помочь найти мистера Харди. Инспектор рассказал мне о том, что вы видели. Не могли бы вы рассказать об этом и мне? Всё, как было и даже самые мельчайшие детали.

Девушка сглотнула, а её пальцы нервно тербли край фартука.

– Я... я не пьяная была, сэр, клянусь святым Патриком! И я не спятила!

– Я верю вам, – мягко сказал Пеллэм. Его спокойный, уверенный тон, казалось, немного успокоил её. – Просто расскажите.

– Это было поздно, сэр. Я не могла уснуть, и пошла в сад подышать... и выкурить бычок, – она виновато опустила глаза. – И я смотрела на стену дома. Луна светила ярко. И я увидела... тень. На стене.

– Как она выглядела?

– Длинная, сэ. Очень длинная. И скрюченная. Не такая, как от человека. Без головы, без рук... просто длинная, корявая полоса. И она... двигалась.

– Как именно?

– Она не скользила, как обычная тень. Она... – девушка искала слово, – она процвела. Да, сэ, точно так же. Слово по стене пролило чернила, и они стали расплываться. Или как вино на скатерти. Она не двигалась, она проступала. И становилась всё больше и темнее. И казалось, сэ, – тут её голос дрогнул, – что она смотрела на меня. Хотя глаз там никаких не было, я это почувствовала. Мне стало так холодно, как в могиле. А потом... я убежала.

Пеллэм сидел совершенно неподвижно, его лицо стало каменной маской, но глаза горели внутренним огнем. Он не сомневался ни на секунду, что девушка говорит правду. Более того, её описание было на удивление точным и образным.

– "Процвела по стене, как вино", – тихо повторил он. – Это очень важно, мисс Бриджит. Вы мне очень помогли. И ещё один вопрос. Вы видели саму лозу на стене тогда, в ту ночь?

Девушка с искренним удивлением покачала головой.

– Нет–с, сэ. Её тогда и в помине не было. Она уже утром появилась. Маленькие такие ростки. А потом... ну, вы сами видите.

Пеллэм поблагодарил её и вышел, его ум работал с бешеной скоростью. В коридоре он столкнулся с Хоуксби.

– Ну что, профессор? Выжали из девчонки новые сказки? – спросил инспектор, но в его тоне уже не было прежней едкой насмешки, а лишь тихое любопытство.

– Напротив, инспектор, – ответил Пеллэм, глядя в пространство поверх его головы. – Она предоставила нам ключевой свидетельский показатель. Она видела не тень, отбрасываемую чем–то. Она видела саму тень как отдельную, растущую сущность. Сначала – тень, проявляющаяся на стене, как пятно. Затем произошло физическое воплощение этой тени... эта самая лоза. Она не описывала тень от лозы. Она описала тень, которая стала лозой.

Хоуксби молчал, переваривая сказанное. Это было уже слишком даже для его начавшей сдавать оборону логики.

– То есть вы утверждаете, что тень... материальна?

– Я утверждаю, что мы имеем дело с формой жизни или явлением, чья природа не укладывается в известные нам законы, – поправил его Пеллэм. – Оно начинается как проекция, как нечто нематериальное, питающееся, если можно так выразиться, самой субстанцией этого места – его тишиной, его страхом, его изолированностью. А затем, набрав силу, оно прорастает в наш мир уже в физической форме. Эта лоза – не причина исчезновения Харди. Это симптом. Это шрам, оставленный на доме тем, что его забрало.

– Забрало? – Хоуксби смотрел на него во все глаза. – Куда, чёрт возьми, оно его могло забрать?

– В тень, инспектор, – тихо сказал Пеллэм. – Прямо в ту самую стену. Я подозреваю, что мистер Харди не исчез из комнаты. Его... втянули в саму структуру дома. И эта лоза – лишь видимая часть процесса, его физический эквивалент в нашем мире.

В этот момент из гостиной вышла миссис Харди. Её лицо было искажено ужасом.

– Инспектор! Доктор! – выдохнула она. – В каминной гостиной... на стене... я видела... оно двигается!

Пеллэм и Хоуксби переглянулись. Все теории, все разговоры в одно мгновение стали жуткой, осязаемой реальностью. Хоуксби первым бросился в гостиную, Пеллэм – за ним.

Комната была пуста. И на её стене, освещённой трепещущим пламенем камина, они оба увидели это. Тень. Длинную, корявую, не принадлежавшую ни одному предмету в комнате. Она не дрожала вместе с огнём. Она медленно, неотвратно, как расплывающееся пятно, ползла по обоям вверх, к потолку. И на секунду её изгиб сложился в нечто, отдалённо напоминающее скрюченную человеческую фигуру.

В доме воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском поленьев и тяжёлым дыханием инспектора Хоуксби, который впервые за тридцать лет службы понял, что столкнулся с чем-то, перед чем бессилён любой протокол и любой аргумент.

Следующие несколько часов Пеллэм провёл в почти полной тишине, если не считать шелеста страниц и отдалённого гула Лондона за стенами библиотеки Университетского колледжа. Он погрузился в мир, который обычно приносил ему умиротворение, – мир систематизированного знания. Но сегодня этот мир оставался на удивление глух к его запросам.

Он начал с ботанических атласов. "Flora Britannica"², труды Гукера, монографии по экзотической флоре Африки и Южной Америки. Он искал что-либо, хотя бы отдалённо напоминающее ту тёмную, жилистую лозу с листьями, впитывавшими свет. Он выписывал латинские названия, сравнивал гравюры, изучал описания механизмов роста. Бесполезно. Одни растения цеплялись усиками, другие – воздушными корнями. Ни одно не прирастало к стене с такой плотоядной плотностью. Ни одно не демонстрировало столь осмысленный, сетчатый узор роста.

От ботаники он перешёл к фольклору и трактатам по так называемой "естественной магии". Альберт Великий, Парацельс, труды о мандрагоре и других "волшебных" растениях. Здесь было больше поэзии, чем науки, но и здесь он не нашёл ничего, что соответствовало бы описанию. Мифические растения обычно цвели драгоценностями или пели; они не образовывали на стене подобие кровеносной системы и не порождали самодвижущиеся тени.

К вечеру, когда за окнами вновь сгустились сумерки, подкреплённые всё тем же надоедливым дождём, Пеллэм откинулся на спинку стула и с досадой отшвырнул от себя толстенный фолиант. Вывод был неизбежен и одновременно неприемлем для его научного ума. Это растение, если это вообще было растением в общепринятом понимании, не было описано наукой. Оно было либо чудовищной мутацией, порождённой какими-то неизвестными условиями, либо чем-то совершенно иным, пришедшим из области, для которой у ботаники просто не было слов.

Он вспомнил слова служанки: "процвела по стене, как вино". Это была не метафора. Это было точное наблюдение. Тень не отбрасывалась, она проявлялась, как изображение на фотопластине. А лоза была её материальным воплощением, своего рода плодом, выросшим из этой тени.

"Паразит, – подумал Пеллэм, – но не биологический. Метафизический. Он питается не соками растения-хозяина, а... чем-то иным. Энергией? Памятью? Самой субстанцией реальности в этом месте?"

Он потушил лампу и вышел наружу в сырой вечерний воздух, чувствуя странное возбуждение, смешанное с ледяной тяжестью на душе. Он стоял на пороге чего-то нового, чего-то, что могло бы перевернуть все его представления о мире. Но ценой этого открытия, возможно, была жизнь человека.

Тем временем в особняке "Ашер-Хаус" царил напряжённая тишина. Инспектор Хоуксби, несмотря на своё растущее беспокойство, был, прежде всего, практиком. Он не мог позволить дому оставаться без присмотра. Для наблюдения был оставлен молодой констебль Робертс, парень лет двадцати пяти, румяный, полный здоровья и того непоколебимого скепсиса, который присущ молодым полицейским, ещё не сталкивавшимся с тем, что лежит за гранью их понимания.

Его пост располагался в столовой на первом этаже, откуда было видно и вход в кабинет Харди наверху, и часть западной стены через высокое окно в конце коридора. Первые

² Флора Британии

несколько часов прошли в полной безмятежности. Дом был тих, лишь изредка потрескивали половицы, остывая после ушедшего дня. Робертс, сидя на стуле, боролся со сном и скукой. Все эти разговоры о тенях и призраках он считал чепухой, плодом разыгравшегося воображения ирландской служанки и чудаковатого профессора.

Около полуночи дождь наконец прекратился, и из-за рваных облаков выглянула луна. Её холодный, призрачный свет упал в коридор, окрасив его в серебристо-синие тона. Робертс, чтобы размять ноги, прошелся до окна и выглянул в сад. Лунный свет падал прямо на западную стену, и тёмная лоза на её поверхности казалась теперь не просто растением, а каким-то сложным, отлитым из металла барельефом.

Именно тогда он это увидел.

Сначала это было едва заметное движение на периферии зрения. Он повернул голову. На стене, в полосе лунного света, отчётливо была видна тень. Но это была не бесформенная "корявая полоса", как описывала Бриджит. Это была тень человека. Чёткая, ясная, с узнаваемыми силуэтами плеч, головы и торса. Она была неподвижна, и Робертс с облегчением подумал, что это, должно быть, его собственная тень, каким-то образом причудливо отброшенная светом.

Но он стоял на месте. А тень... двинулась.

Она не скользила, как обычная тень. Она оторвалась от того места, где была, и поползла по стене в сторону, где гуще всего разрослась лоза. Движение тени было плавным, но неестественным, словно тень была не проекцией, а настоящим живым существом, ползущим по вертикальной поверхности.

Робертс онемел. Он чувствовал, как волосы на его голове зашевелились. Он хотел крикнуть, но звуки застряли в горле. Он мог только остолбенело наблюдать, заворожённый этим кошмарным зрелищем.

Тень достигла края лозы. И тут произошло самое невообразимое. Она не просто скрылась в её гуще. Она стала... вливаться в неё. Чёрный силуэт человека как бы расплылся, растекся по сложному узору из стеблей и листьев, и за секунду полностью растворился в них, будто лоза впитала его в себя, как губка впитывает воду.

В тот же миг Робертсу показалось, что вся лоза на миг шевельнулась, словно вздохнула, и глянцева поверхность её листьев блеснула лунным светом с новой, жуткой интенсивностью.

Этого зрелища было достаточно. Молодой констебль, забыв обо всех инструкциях и о своей профессиональной гордости, с оглушительным криком бросился прочь из коридора, сломя голову выскочил из дома и побежал по темным улицам Хэмпстеда по направлению к ближайшему полицейскому участку.

Час спустя инспектор Хоуксби, накинув на плечи пальто поверх пижамы, стоял в своём кабинете в Скотленд-Ярде и смотрел на трясущегося как осиновый лист констебля Робертса. Парень был бледен, его форма была в грязи, а в глазах стоял такой непритворный, животный ужас, что даже у самого Хоуксби похолодело внутри.

– Успокойтесь, констебль, – сказал он, наливая молодому человеку стакан виски. – Глубоко вдохните и расскажите всё по порядку.

Робертс, с трудом переводя дух, дрожащими руками приняв стакан, выпил залпом и, закашлявшись, выпалил свою историю. Он не приукрашивал, не пытался казаться героем. Он просто описал то, что видел, и в его голосе звучала такая искренняя, неконтролируемая паника, что сомневаться в его словах не приходилось.

Когда он закончил, в кабинете повисла тяжёлая тишина. Хоуксби молча смотрел на него, затем медленно обошёл стол и сел в своё кресло. Он чувствовал, как почва уходит у него из-под ног. Его мир, построенный на фактах и логике, трещал по швам. Призрачные тени служанки можно было списать на истерику. Но констебль Робертс был своим, полицейским. Трезвым,

надёжным парнем. И он видел не просто абстрактную тень. Он видел тень человека, которая растворилась в растении.

"Ладно, Профессор, – с горькой иронией подумал Хоуксби. – Кажется, вы были правы".

Он приказал дежурному сержанту отвести Робертса в лазарет и убедиться, что тому дали успокоительное, а сам остался сидеть в темноте своего кабинета, глядя на огни ночного Лондона за окном. Он боролся с собой. Признать это – значило признать, что всё, во что он верил, всё, на чём строилась его работа, было неполным, и в чем-то даже ущербным. Но отрицать свидетельства было уже невозможно.

На следующее утро, едва занялся рассвет, Хоуксби стоял на пороге квартиры Пеллэма. Профессор, уже одетый и бодрый, несмотря на ранний час, впустил его.

– Инспектор? Что случилось? – спросил Пеллэм, взглянув на его осунувшееся лицо.

– Ночью в доме произошло новое происшествие, – без предисловий начал Хоуксби. Он коротко рассказал о констебле Робертсе, но передав самую суть случившегося. – Он клянётся, что видел, как по стене в лунном свете проползла чёткая тень человека, а затем... эта тень отделилась от стены и, цитирую, "растворилась в лозе".

Пеллэм слушал, не перебивая. На его лице не отражались ни торжество, ни ужас, а лишь глубокая, сосредоточенная мысль.

– Тень человека... – протянул он. – Значит, процесс продолжается. И он, похоже, избирателен.

Хоуксби тяжело вздохнул и, наконец, произнёс то, что давило на него всю ночь. Он посмотрел Пеллэму прямо в глаза, и хотя в его взгляде всё же присутствовала тень бывшего скепсиса, но теперь она тонула в море вынужденного признания правоты профессора и собственной растерянности.

– Ладно, профессор, – прозвучал его голос устало и почти смиренно. – Допустим, вы правы. Что это за дьявольщина происходит? Что мы видели? Что забрало Харди и... впитало его тень?

Пеллэм подошёл к окну. Заним просыпался самый обыденный, реальный город.

– Я провёл вчера весь день в библиотеке, инспектор. И не нашёл ничего, что могло бы нам помочь. Это не растение. По крайней мере, не в том смысле, как мы его понимаем. Я начинаю подозревать, что мы имеем дело с некоей формой... симбиотического паразита. Но паразитирует он не на органической материи. Он паразитирует на самом пространстве, на времени, может быть, на памяти этого дома. Он проецирует себя в виде тени – фантома, питающегося... чем? Страхом? Одиночеством? Энергией самого бытия? А затем, насытившись, он прорастает, как грибница, в нашу реальность. Эта лоза – его физический якорь, его способ закрепиться в нашем мире.

Он повернулся к Хоуксби.

– А мистер Харди... я боюсь, что он стал его первым приемом пищи. Или, что ещё хуже, его средой обитания. Его тень была не просто поглощена. Она была... ассимилирована. И то, что видел констебль, возможно, было эхом мистера Харди, его последним следом в нашем мире, который это существо окончательно втянуло в себя.

Хоуксби молчал, переваривая услышанное. Слова Пеллэма звучали как бред сумасшедшего, но они были единственной нитью, которая хоть как-то связывала разрозненные, безумные факты.

– И что нам делать? – спросил он наконец, и в его голосе прозвучала беспомощность, которую он уже не пытался скрыть. – Как остановить... это?

– Я не знаю, инспектор, – честно признался Пеллэм. – Но если это существо питается и растёт, значит, его можно и уморить голодом. Или найти способ разорвать его связь с нашей реальностью. Нам нужно провести эксперимент. Но для этого... – он посмотрел на Хоуксби

с лёгкой, почти извиняющейся улыбкой, – нам придётся провести ночь в том доме. Я должен увидеть это своими глазами.

Хоуксби сглотнул. Мысль о добровольном возвращении в тот проклятый дом вызывала у него физическую слабость. Но он кивнул.

– Ладно. Чёрт с ним. Но на этот раз, профессор, я буду вооружён не только свистком и протоколом.

– И я, инспектор, – ответил Пеллэм, – возьму с собой нечто более существенное, чем ботанический атлас.

Решимость инспектора Хоуксби, стоившая ему немалых усилий, начала испаряться, едва они с Пеллэмом переступили порог особняка "Ашер–Хаус" с наступлением сумерек. Дом встретил их не просто тишиной, а таким безмолвием, словно воздух внутри застыл, превратившись в тяжёлую, непрозрачную субстанцию, которая не пропускала звуки. Последние слуги, кроме верного Бэнкрофта, были по настоянию Пеллэма отправлены к родственникам. Миссис Харди, на грани истерики, уехала в отель. Констебль, охранявший дом, был отозван. Они остались одни.

– Если я сойду с ума, профессор, – мрачно пошутил Хоуксби, водружая на стол в кабинете Харди массивный керосиновый фонарь, – я завещаю свою пенсию тому, кто докажет, что вы меня гипно... гипортизировали.

– Гипнотизировали, – поправил его Пеллэм, расставляя на том же столе несколько предметов из своего кейса. И это действительно были не ботанические атласы, а увесистый том в потёртом кожаном переплёте с застёжками, небольшая лупа и записная книжка. – И будьте уверены, ваша пенсия в полной безопасности. То, что мы ищем, куда действеннее гипноза.

Он подошёл к окну. Снаружи, вплотную к стеклу, стояла непроглядная стена лозы. Её листья, казалось, стали ещё темнее, почти абсолютно чёрными, и теперь не просто поглощали свет, а как будто испускали обратно лёгкое, зловещее свечение, отдававшее гнилой зелёной флуоресценцией. Пеллэм плотно задернул тяжёлую портьеру, отсекая от глаз этот вид.

– Мы не должны смотреть на неё, пока не наступит время, – пояснил он. – Нам нужен чистый эксперимент. Лунный свет должен падать на стену внутри этого кабинета, а не снаружи.

Они устроились в креслах, расположив фонарь так, чтобы его свет не мешал наблюдению за стеной, противоположной окну. Эта стена была свободна от растительности и заставлена лишь книжными шкафами. Часы на камине проббили одиннадцать. Началось томительное ожидание. Хоуксби, положив на колени увесистую полицейскую дубинку, время от времени поглядывал на Пеллэма. Тот сидел с закрытыми глазами, но по лёгкому движению его век и сложенных домиком пальцам было ясно, что он не спит, а сосредоточенно обдумывает каждую деталь.

Полночь. В доме что-то изменилось. Тишина стала иного качества – напряжённой, звенящей, будто перед грозой. Воздух стал тяжелее, холоднее.

– Профессор, – тихо позвал Хоуксби, – вам не кажется, что...

– Тс–с, – остановил его Пеллэм, не открывая глаз. – Прислушайтесь. Не ушами. Всем своим существом.

И тогда Хоуксби почувствовал это. Лёгкую, едва уловимую вибрацию, исходящую от самой стены. Словно по её каменным жилам пробежал ток.

Пеллэм медленно поднялся и, сделав знак инспектору следовать за собой, подошёл к стене. Лунный свет, пробивавшийся сквозь щель в шторах, падал на неё косым серебристым лучом.

Сначала это были лишь пятна. Беспорядочные, колеблющиеся, как отражения на поверхности воды. Но постепенно они стали уплотняться, обретать структуру. Это не были тени от

веток за окном которых скрыли плотной портьерой. Это было нечто, рождающееся внутри самой штукатурки.

– Господи Иисусе, – прошептал Хоуксби, и его рука сама потянулась к дубинке.

Тени начали жить своей жизнью. Они не просто дрожали – они двигались, перетекали одна в другую, складываясь в узнаваемые, кошмарные сцены. Вот тень человека, в которой без труда узнавалась плотная фигура мистера Харди, сидит в этом самом кресле, курит сигару. Вот он встаёт, подходит к шкафу, достаёт книгу. Движения были резкими, неестественно быстрыми, как в немом кино. Сцена повторилась. И ещё раз. И снова.

– Петля, – тихо сказал Пеллэм. – Временная петля. Он застрял в своих последних моментах. Это эхо, отпечаток его существования.

Но вот на стене, рядом с тенью Харди, проступила другая – та самая, "длинная и скрюченная". Тень лозы. Она не была статичной. Она шевелилась, пульсировала, как живой организм. И по мере того как тень Харди в очередной раз проигрывала свой короткий цикл – кресло, шкаф, книга – тень лозы приближалась к ней. С каждым повтором она становилась ближе, чётче, агрессивнее.

И тогда они увидели главное. В тот миг, когда тень Харди снова оказалась в центре стены, тень лозы резко рванулась вперёд. Она не набросилась. Она... обволокла её. Тонкие, чёрные щупальца теней обвили человеческий силуэт, сжимаясь, втягивая его в себя. Тень Харди затрепетала, совершила несколько судорожных движений – и начала растворяться, вливаться в более крупную, сложную тень растения, словно чернильная клякса, растекающаяся по промокашке. Через несколько секунд от неё не осталось и следа. Тень лозы на миг стала гуще и темнее, а затем медленно отступила, продолжая своё неторопливое, пульсирующее движение по стене.

Хоуксби стоял, не в силах оторвать взгляд. Его лицо посерело. Он был полицейским, он видел смерть, но то, что он только что наблюдал, было не смертью. Это было нечто более ужасное – уничтожение, стирание, поглощение самой сущности.

– Он... он в ней, – хрипло выдохнул он. – Вы были правы. Она его съела.

Но Пеллэм не слушал. Его взгляд, острый и пронзительный, был прикован не к самому действию, а к узору, который образовала тень лозы в момент поглощения. Сложный, геометрически точный рисунок из переплетающихся линий и спиралей. И в его памяти звякнул колокольчик.

– Инспектор, светите сюда! – резко скомандовал он, указывая на стену.

Хоуксби, ошеломлённый, послушно направил луч фонаря на то место, где только что разворачивалась трагедия. Тень лозы, лишённая лунного света, исчезла. Но Пеллэм подбежал к лежащей на столе книге, с дрожью в руках расстегнул застёжки и раскрыл старый том. Он лихорадочно перелистывал страницы, испещрённые гравюрами и схемами, надписанными на латыни.

– Да, да, конечно! – прошептал он. – "De Elementalibus Animatis"! Одушевлённые элементы! До их пор я думал, что это всего лишь аллегория!

– Что?! – не понял Хоуксби.

Пеллэм нашёл нужную страницу и поднёс книгу к стене рядом с тем местом, где только что была тень. На пожелтевшей бумаге была изображена гравюра. И узор на ней – сложное переплетение линий, напоминающее то ли схему, то ли печать – в точности, до мельчайшей детали, совпадал с тем, что они только что видели в очертаниях тени лозы.

– Смотрите! – торжествующе воскликнул Пеллэм. – Это не просто растение! Это "Умбравитис"! Тенеплеть! Алхимики описывали его как паразитическую форму жизни, существующую на грани мира физического и мира теней!

Хоуксби смотрел то на книгу, то на стену, пытаясь связать воедино безумие происходящего с сухими строчками старинного фолианта.

– Но... что это значит?

– Это значит, что оно питается не водой и светом! – глаза Пеллэма горели холодным огнём открытия. – Оно питается временем! Памятью! Энергией бытия! Оно впитывает саму жизненную силу, оставляя лишь пустую оболочку, как выброшенную кожуру! Оно проецирует себя как тень, находит жертву, замыкает её в петле её же прошлого, а затем поглощает, как мы только что видели! Эта лоза... это лишь физический симптом, материальное воплощение паразита в нашем мире! Рудимент, якорь!

Он отступил от стены, и его взгляд упал на окно, за которым таилась тёмная масса лозы.

– Мистер Харди не просто исчез, инспектор. Его сущность, его "тень", его самость – заточена внутри этого существа. Он – её пища. И она... – Пеллэм обвёл взглядом комнату, и его голос стал тревожным, – она продолжает расти. Она не насытилась. Ей нужно больше. Она голодна. И она ищет новую жертву.

В тот же миг оба почувствовали, как температура в комнате резко упала. Их собственные тени, отбрасываемые фонарём на противоположную стену, вдруг дрогнули и на мгновение поплыли в сторону, словно их потянуло невидимым течением по направлению к тому месту, где исчезла тень Харди.

Хоуксби отшатнулся, словно от удара током. Он смотрел на свою собственную, изменившуюся тень с таким ужасом, какого не испытывал даже при виде призрака.

– Она... на нас смотрит? – прошептал он.

Пеллэм не ответил. Он стоял, глядя на гравюру в книге, а затем на задернутые шторы, за которыми ждала своего часа физическая плоть тенеплетения. На его лице не было страха. Была лишь сосредоточенная, леденящая душу ясность. Охотники только что ясно поняли, что они сами стали дичью. Научное наблюдение превратилось в борьбу за выживание.

– Да, инспектор, – наконец тихо сказал он. – И теперь она знает, что мы здесь. И что мы... вкусно пахнем. Нам нужно действовать и успеть до рассвета. Или мы рискуем стать частью этого узора навсегда.

– Значит, рубить и жечь? – Хоуксби сжал в руке топор, принесённый из сарая Бэнкрофтом. Его лицо, всё ещё бледное от ужаса, выражало теперь твёрдую, отчаянную решимость. – Классический метод. Огонь очищает всё.

Он сделал шаг к задернутым шторам, за которыми угадывалось тёмное присутствие лозы, но сильная, костлявая рука Пеллэма легла на его плечо.

– Нет, инспектор. Ни в коем случае, – голос профессора был напряжён, но твёрд и решителен. – Вы же не тушите кипящее масло водой. Вы лишаете его кислорода. То, с чем мы столкнулись – это симбиоз, пусть и насильственный, материи и тени. Физическое уничтожение её физического проявления может быть сродни вскрытию бомбы. Мы не знаем, что высвободится. Энергия, поглощённая ею, может вырваться наружу непредсказуемым образом. Мы можем не спасти Харди, а добить его. Или стать следующей её жертвой.

– Так что же делать?! – в голосе Хоуксби слышалось отчаяние. – Сидеть и ждать, пока она и до нас доберётся?

– Нам нужно не уничтожить её, – сказал Пеллэм, его взгляд снова устремился к старинному тому на столе. – Нам нужно заставить её отпустить добычу. Лишить её питательной среды. Создать условия, для неё невыносимые.

Он снова начал листать книгу, пробегая пальцем по строчкам, написанным на латыни. Его губы шептали слова: "...umbra... lunae... argentum vivum... да, конечно! Серебро! Лунный металл!"

Хоуксби смотрел на него, не понимая.

– Профессор, если вы предложите осыпать эту дрянь лунными камнями, я...

– Не камнями, инспектор. Зеркалами, – Пеллэм захлопнул книгу. – В алхимической традиции тень, ночь, иллюзии – это царство Луны. А металл Луны – серебро. Оно обладает свой-

ством отражать, отталкивать, очищать. Это антитеза тьме, которая впитывает. Нам нужно не атаковать тьму, а направить на неё свет, но свет особый – отражённый, усиленный и преображённый. Нам нужны зеркала. И как можно больше. Идеально – из полированного серебра.

– Серебряные зеркала? – Хоуксби смотрел на него, как на сумасшедшего. – Где вы хотите их взять? Взять напрокат у королевы?

– Нет, – Пеллэм уже надевал пальто. – У местного ювелира. И у антиквара. Бэнкрофт! – он резко обернулся к дворецкому, застывшему в дверях с лицом маски. – Вам знаком ювелир мистер Эдрич на Хай-стрит? Разбудите его. Скажите, что дело жизни и смерти. Нужны все зеркала, какие у него есть. Особенно старинные, с серебряной амальгамой. Или, если найдётся, чисто серебряные пластины, отполированные до блеска. Деньги не важны. Инспектор, вам нужно найти транспорт. И помощников. Не полицейских, а каких-нибудь крепких грузчиков. И им совершенно не нужно знать, что и зачем мы делаем.

Началась лихорадочная, почти безумная деятельность посреди ночи. Хоуксби, движимый остатками дисциплины и абсолютным доверием к Пеллэму, мчался по спящему Хэмпстеду, стучался в двери, используя свой значок, чтобы реквизировать телегу и двух сонных, перепуганных рабочих из ночной смены. Пеллэм тем временем, в сопровождении Бэнкрофта, вломился в лавку мистера Эдрича, и, щедро сыпя гинеями, собрал всю его коллекцию, куда вошли: несколько больших настенных зеркал в тяжёлых рамах, пара старинных дамских трюмо с изрядно потускневшей, но ещё отражающей поверхностью, и, самое ценное, две большие полированные серебряные пластины, которые ювелир использовал как демонстрационные подносы.

К четырём часам утра всё было доставлено к особняку. Небо на востоке уже начало светлеть, предвещая рассвет. Рабочие, получив щедрую плату и так и не поняв, что происходит, поспешили ретироваться. Пеллэм, Хоуксби и Бэнкрофт остались перед западной стеной дома.

Лоза в предрассветном полумраке казалась особенно зловещей. Она казалась живой, настроенной, будто чувствовала исходящую от собранных зеркал угрозу.

– Теперь что? – спросил Хоуксби, с трудом переводя дух. – Будем крестить её?

– Почти что, инспектор, – Пеллэм, скинув пиджак, сам взялся за установку самого большого зеркала. – Мы создадим оптическую пушку. Мы направим первый утренний солнечный свет, усиленный и умноженный серебром, прямо на неё. Мы не будем жечь её. Мы ослепим её. Мы заставим её отвергнуть то, что ей не принадлежит.

Они работали быстро, устанавливая зеркала и серебряные пластины на подставки, ящики, всё, что было под рукой. Пеллэм, вооружившись угломером из своего кейса, выстраивал их в цепь, рассчитывая траекторию отраженного света. Главное зеркало было направлено на восток, чтобы поймать первые лучи. Следующие должны были перенаправлять этот сконцентрированный поток света на лозу.

Когда всё было готово, они замерли в ожидании. Воздух снова наполнился напряжённым гулом. Лоза, казалось, сжалась. На её поверхности зашевелились тени, пытаясь сформироваться в нечто, но в предрассветной мгле им не хватало силы.

И тогда взойшло солнце.

Первый луч, тонкий и острый как бритва, тронул верхушки деревьев. Он упал на первое, самое большое зеркало. Яркое пятно света, дрогнув, прыгнуло на следующую серебряную пластину, а от неё – на следующее зеркало. Цепь ожила. И в финале, сконцентрированный, почти невыносимо яркий сноп света, вобравший в себя чистоту утра и холодную силу серебра, ударил прямо в центр лозы.

Эффект был мгновенным и ужасающим.

Лоза не загорелась. Она затрепетала, словно её пронзили электрическим разрядом. Тёмные, глянцевые листья свернулись, потемнели ещё больше, приобретя цвет пепла. По всей её поверхности забились, заплясали в конвульсиях чёрные тени. Они метались, пытаясь спа-

стись от невыносимого света, но серебряный луч, холодный и безжалостный, пронизывал их насквозь. От лозы пошёл не дым, а странный, едкий запах озона и статического электричества, смешанный с ароматом гнилой зелени.

Хоуксби, прикрыв глаза рукой от яркости, смотрел на это, словно заворожённый. Он видел, как тени, бывшие когда-то мистером Харди, начали отделяться от общего клубка. Они не растворялись, а словно вытягивались из массы лозы, притягиваемые светом.

И тогда произошло то, что нельзя было услышать ушами, но что ощутило всё их существо. Тихий, но отчётливый "хлопок" в самой ткани реальности. Воздух дрогнул.

И тень – ясная, чёткая тень Элджернона Харди – отделилась от стены. Она не растаяла и не была поглощена. Она просто... исчезла. Словно её стёрли. Но это исчезновение было не актом уничтожения, а актом освобождения.

В тот же миг лоза замерла. Её конвульсии прекратились. Она потемнела, высохла и начала рассыпаться. Толстые, жилистые стебли превратились в ломкую, чёрную пыль, осыпавшуюся с стены огромными кусками. Листья обратились в пепел, который тут же разнёс утренний ветерок. Весь этот процесс занял не больше минуты. Там, где секунду назад бушевала тёмная, живая масса, теперь зияла голая, серая кирпичная стена, покрытая тонким слоем чёрного пепла.

– Господи... – прошептал Хоуксби.

И тогда Бэнкрофт, стоявший ближе всех, указал дрожащей рукой на основание стены.

– Смотрите! Там!..

Они бросились туда. В гуще высохших, обугленных остатков лозы, прямо у фундамента, лежал человек. Он был бледен как полотно, его одежда была в пыли и разорвана, но грудь его медленно и ритмично поднималась. Это был мистер Элджернон Харди.

Они осторожно перенесли его в дом, уложили на диван. Пульс был слабым, но стабильным. Он был жив. Через несколько минут он застонал и пришёл в себя. Его глаза, полные замешательства, обводили комнату.

– Что... что случилось? – его голос был хриплым шёпотом. – Я... я будто спал. Какой-то странный, тяжёлый сон... Я ничего не помню.

Хоуксби смотрел на него, затем на Пеллэма, который стоял у окна, наблюдая, как первые лучи настоящего, незамутнённого солнца освещают очищенную стену. Инспектор покачал головой. Он вытащил из кармана фляжку с бренди и отпил из неё одним большим глотком, не предлагая профессору.

– Нестандартное решение, – пробормотал он себе под нос. – Чёрт возьми, нестандартное...

Он подошёл к Пеллэму.

– И что я напишу в отчёте? Что мы победили растение-призрак с помощью зеркал и учебника по алхимии?

Пеллэм обернулся. На его лице была усталость, но в глазах светилось глубокое удовлетворение настоящего ученого.

– Напишите, инспектор, что мистер Харди стал жертвой редкой формы отравления угарным газом, вызвавшей тяжёлые галлюцинации и амнезию, а его исчезновение было результатом сомнамбулического сна. А быстрорастущая лоза оказалась редким, но объяснимым с ботанической точки зрения явлением, усугублённым сыростью и... гм... особыми свойствами почвы. Она, естественно, погибла от контакта с утренним солнцем после того, как мы расчистили заграждавшие её от солнечного света растения.

Хоуксби смотрел на него с немим восхищением, смешанным с лёгким ужасом.

– Вы, профессор, не только специалист по нестандартным делам, но и гений бюрократического прикрытия.

– Наука, инспектор, – с лёгкой, почти невидимой улыбкой ответил Пеллэм, – это не только поиск истины, но и искусство её дозирования. Мир не готов к некоторым открытиям. По крайней мере, пока.

Он посмотрел на пепел, развеивающийся по саду.

– Но будьте уверены, это была лишь первая тень. Вселенная, знаете ли, полна странностей, ждущих своего часа. И, полагаю, сэр Гилберт из Скотленд–Ярда будет не против, если мы продолжим наше... сотрудничество.

Хоуксби вздохнул. Он посмотрел на спасённого человека, на очищенную стену, на странного учёного в запылённом костюме. И впервые за долгое время почувствовал, что его работа, такая понятная и предсказуемая, только что обрела совершенно новое, пугающее и бесконечно увлекательное измерение.

Утро в Хэмпстеде вступило в свои права с той невозмутимой ясностью, которая следует за ночью, полной кошмаров. Солнечный свет, тёплый и обыденный, заливал сад особняка "Ашер–Хаус", придавая ему вид совершенно нормального, даже прекрасного места. Только тонкий слой чёрного пепла у подножия западной стены, похожий на сажу после пожара, да выгоревшие пятна на газоне, куда падали отражённые зеркалами лучи, напоминали о ночном противостоянии.

В гостиной царил тихая, чуть нервная суета. Доктор Пеллэм, с согласия миссис Харди, быстро осмотрел вернувшегося мужа, констатировав сильное истощение, обезвоживание и полную ретроградную амнезию, касающуюся событий последних дней. Мистер Харди был слаб, растерян, но в безопасности. Его отвели в спальню, где жена, рыдая от облегчения, не отходила от его постели.

Инспектор Хоуксби, стоя на пороге гостиной, вытер платком пот со лба. Он чувствовал себя так, будто пробежал марафон, а затем по его спине проехался каток. В глазах стояли образы шевелящихся теней и рассыпающейся в пыль лозы. Он сделал глоток холодного чая, который подал Бэнкрофт, и его рука при этом слегка подрагивала.

Он посмотрел на Пеллэма, который, спустившись в сад, теперь медленно бродил у стены, внимательно изучая остатки тенеплетеня. Инспектор тяжело вздохнул и вышел к нему.

Воздух был свеж и чист, пах влажной землёй и травой. Ничего не напоминало о том едком запахе озона и тления, что стоял здесь несколько часов назад.

– Ну что ж, – начал Хоуксби, подходя. – Дом очищен, пострадавший жив, жена счастлива. Осталось лишь бумажное болото расчистить. – Он помолчал, глядя на чёрный налёт на стене. – Я напишу в отчёте, так, как вы посоветовали. Что он стал жертвой отравления угарным газом из неисправного камина и галлюцинаций, а его исчезновение – результат сомнамбулического ухода из дома в состоянии помутнения сознания. Быстрорастущая лоза – случайное совпадение, редкий агрессивный грибок, погибший на солнце.

Он произнёс это с таким профессиональным цинизмом, который годами оттачивал, закрывая неудобные дела. Но в его голосе не было прежней уверенности. Была усталость и глубокая, экзистенциальная уязвлённость.

Он повернулся к Пеллэму, и в его глазах читалась неподдельная, почти суеверная тревога.

– И, профессор... – он сделал паузу, подбирая слова. – Пожалуйста, не цитируйте меня в своих научных работах. Если таковые появятся. Моя пенсия слишком близко, чтобы вплетать её в теории о... – он мотнул головой в сторону стены, – о всём этом.

Пеллэм не ответил сразу. Он наклонился и тонким, похожим на пинцет, серебряным инструментом из своего кейса, аккуратно подцепил с земли небольшой, почти невесомый обломок. Это был кусочек высохшего стебля лозы, твёрдый и пористый, как обуглившееся дерево. Он внимательно рассмотрел его, повертел в лучах солнца, а затем, с соблюдением всех предосторожностей, уложил в небольшой металлический портсигар, высланный внутри бархатом.

– Не беспокойтесь, инспектор, – наконец произнёс он, защёлкивая крышку и пряча портсигар во внутренний карман. – Науке, в её современном, чопорном виде, потребуются десятилетия, чтобы просто признать существование того, что мы сегодня видели. А уж чтобы понять... Возможно, столетия. Моя статья об "Умбравитисе" стала бы билетом прямиком в палату к доктору Конолли в Бедламе. И поверьте, я не горю желанием сменить кафедру на смирительную рубашку.

Он поднял голову, и его взгляд, ясный и пронизательный, устремился куда-то за пределы сада, в самую ткань мироздания.

– Но то, что мы видели, инспектор, – это лишь тень. Отблеск. Первый, робкий шепот настоящей угрозы, которая таится по ту сторону привычного нам мира. Эта штука, – он похлопал себя по карману с портсигаром, – была всего лишь паразитом. Примитивным, пусть и ужасающим, пожирателем энергии. Вселенная, знаете ли, гораздо страннее, бесконечно сложнее и опаснее, чем мы, в нашей гордыне, можем предположить. Она полна пустот, где властвуют иные законы, и сущностей, для которых наша реальность – лишь питательная среда.

Хоуксби слушал, и по его лицу было видно, как внутри него борются два человека. Один – старый, прагматичный полицейский, который хотел бы списать всё на галлюцинации и забыть. Другой – тот, кто видел, как тень поглощает человека, и знающий, что забыть такое просто невозможно.

– И вы хотите сказать, что таких... существ, может быть больше? – спросил он, и в его голосе не было и намёка на насмешку.

– Я уверен в этом, – просто ответил Пеллэм. – Мир не становится безопаснее от того, что мы закрываем на него глаза. Он просто ждёт, пока наша слепота станет нашей погибелью.

В этот момент из дома вышел Бэнкрофт. Его безупречная выправка немного изменила ему, но лицо сохраняло прежнюю невозмутимость.

– Профессор, инспектор. Миссис Харди просила передать вам самую горячую, самую искреннюю благодарность. Она говорит, что вы... чудотворцы.

Хоуксби фыркнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

– Скажите миссис Харди, что мы просто делали свою работу, – сухо парировал он.

Бэнкрофт кивнул и удалился. Пеллэм и Хоуксби ещё немного постояли в молчании, глядя на уже почти чистую стену. Рабочие, нанятые Хоуксби, уже снимали и упаковывали зеркала, чтобы вернуть ювелиру. Скоро от этой ночи не останется и следа. Во всяком случае, видимого.

– Ладно, профессор, – Хоуксби вздохнул и потянулся за своим котелком. – Пора и честь знать. Мне ещё предстоит сочинить этот дурацкий отчёт для сэра Гилберта. Я полагаю, на этом наше... сотрудничество завершено.

Пеллэм повернулся к нему. В его глазах играли те самые весёлые искорки, которые так раздражали инспектора при их первой встрече.

– Завершено? – переспросил он. – О, нет, инспектор. Оно только началось.

Они вышли за чугунные ворота особняка. На улице царил обычная лондонская жизнь. Мимо проезжали экипажи, шли торговцы, гуляли дамы с собачками. После затхлои, гнетущей атмосферы дома этот шумный, нормальный мир казался почти нереальным.

Хоуксби взмахом руки подозвал кэб. Прежде чем забраться внутрь, он на мгновение задержался и посмотрел на Пеллэма.

– Знаете, профессор, – сказал он, и в его голосе впервые прозвучало нечто, отдалённо напоминающее уважение, пусть и вымученное. – Вы, конечно, самый странный и, черт побери, самый безумный человек из всех, с кем мне доводилось работать. Но... вы оказались невероятно полезны. Не говорите об этом сэру Гилберту.

– Ваша тайна в безопасности, инспектор, – с лёгким поклоном ответил Пеллэм.

Кэб тронулся с места, увозя Хоуксби обратно, в его мир протоколов и отчётов, который уже никогда не будет прежним.

Пеллэм остался стоять на тротуаре. Он достал из кармана портсигар, на мгновение открыл его, взглянув на чёрный обломок внутри, и снова закрыл. Затем он поднял глаза и посмотрел на прояснившееся небо, где плыли редкие облака. Его мысли были уже далеко от особняка в Хэмпстеде. Он думал о древних трактатах, о забытых знаниях, о тёмных уголках мира, куда не проникает свет науки. Он думал о том, что сэр Гилберт из Скотленд-Ярда, со своим живым воображением и верой в "нестандартные дела", возможно, интуитивно чувствовал то, что другие отрицали.

Лёгкая, почти неуловимая улыбка тронула его губы. Он произнёс вслух свои мысли вслед уехавшему кэбу, тихо, но с отчётливой уверенностью, которая не предвещала ничего хорошего для его будущего спокойствия:

– Сэр Гилберт из Скотленд-Ярда, кажется, оказался прав. У него нашёлся верный и чуткий нос на... нестандартные дела.

Он повернулся и пошёл по улице, его трость отстукивала чёткий ритм по брусчатке. Последняя фраза повисла в воздухе, полная предчувствия и холодного, научного любопытства:

– Я полагаю, это было лишь первое из них.

Тень иного бытия

Лондонский туман в районе Вулиджа имел свой особый оттенок – он был гуще, тяжелее, пропахший угольным дымом заводских труб, речной сыростью и едва уловимым, но стойким запахом пороха, исходившим от близлежащих арсеналов и стрельбищ. Именно сюда, за высокие кирпичные стены военного госпиталя, в пасмурное ноябрьское утро прибыл кэб, доставивший доктора Артура Пеллэма и инспектора Стэнли Хоуксби.

Хоуксби, вылезая из экипажа, поморщился, поправляя свой котелок.

– Место так себе, – проворчал он, окидывая критическим взглядом строгие, лишённые украшений фасады. – И запах. Больницы я не люблю. А военные больницы – тем более.

Пеллэм, напротив, дышал полной грудью, его острый взгляд учёного с интересом скользил по окружающей обстановке.

– Зато какая дисциплина, инспектор. Обратите внимание на геометрическую точность оконных проёмов. Идеальный порядок. Прямо противоположность тому хаосу, что царит в человеческом сознании при травме. Интересно, как они тут справляются с последним.

Их встретил у входа молодой, щегольски одетый лейтенант с безупречной выправкой и тревожным взглядом.

– Инспектор Хоуксби? Доктор Пеллэм? – отчеканил он. – Меня направил к вам полковник Монтегю. Прошу следовать за мной. Ситуация... деликатная.

Он повёл их по длинным, вымощенным кафелем коридорам, где воздух был стерилен и холоден, а из-за некоторых дверей доносились приглушённые стоны. Наконец, они остановились у отдельной палаты, у входа в которую, как часовой, стоял рослый сержант.

– Начну с того, что вы, вероятно, сочтёте это пустой тратой времени, – начал лейтенант, понизив голос. – Но приказ полковника – предоставить вам полное содействие. Речь идёт о капитане Эдварде Лоуренсе. Лучший офицер в полку. Образец для подражания.

– Что с ним случилось? – спросил Хоуксби, доставая записную книжку.

– Неделю назад на учениях в Олдершоте его лошадь понесла. Капитан упал, ударился виском о торчащий из земли кремень. Травма страшная. Врачи констатировали остановку сердца. Он был мёртв... – лейтенант замолчал, подбирая слова, – примерно четыре минуты. Но дежурному хирургу каким-то чудом удалось запустить сердце вновь.

– Замечательный результат от военной медицины, – сухо заметил Пеллэм. – И что же? Последствия травмы?

– Последствия, доктор, – лейтенант нервно обвёл взглядом коридор, – начались, когда он пришёл в себя. Его жена, миссис Лоуренс, была у его постели. Когда он открыл глаза, он... он отшатнулся от неё с таким ужасом, словно увидел привидение. Он не узнал её. Не узнал никого из сослуживцев, ни даже полкового священника. Он смотрел на всех дикими глазами и... и требовал объяснений, где он, и кто мы такие.

– Амнезия, – заключил Хоуксби, делая пометку. – Вещь неприятная, но, увы, не уникальная.

– Это не просто амнезия, инспектор, – голос лейтенанта дрогнул. – Когда он заговорил... это был не его голос. Вернее, голос-то его, но манера, слова... Он заговорил на архаичном, грубом английском, который сейчас уже не услышишь. И он заявил... – лейтенант сглотнул, – что он некий Джонатан Грейвз, простой каменотёс из Саутуарка, и что год на дворе, с его слов, тысяча семьсот восемьдесят второй от Рождества Христова.

В коридоре повисла напряжённая тишина. Хоуксби перестал писать и уставился на лейтенанта с немым вопросом.

Пеллэм же, напротив, прищурился, и в его глазах зажёгся тот самый интерес, который появлялся у него лишь перед решением сложной научной задачи.

– Тысяча семьсот восемьдесят второй? – переспросил он мягко. – И он настаивает на этом?

– Да, сэр. И это не бред. Его речь последовательна, хоть и странна. Он описывает детали жизни, которые... которые офицер и джентльмен знать не может. И он напуган. Напуган до глубины души.

Хоуксби тяжело вздохнул и сунул записную книжку в карман.

– Полагаю, нам стоит взглянуть на этого "каменотёса", – сказал он с оттенком раздражения. – Классический случай амнезии с конфабуляцией. Мозг, пытаясь заполнить пробелы, сочиняет прошлое, черпая обрывки из прочитанных книг, услышанных рассказов. Ничего сверхъестественного. Военные, простите, просто паникуют. Этот офицер их настоящая гордость, а тут такое. Нервы не выдерживают.

Лейтенант молча отворил дверь в палату.

Комната была залита холодным светом из окон, направленных на север. На койке у стены сидел мужчина лет тридцати пяти, с правильными чертами лица, но его осанка была далека от военной выправки, а плечи сильно ссутулены. Он был бледен, его пальцы беспокойно тербли край грубого больничного одеяла. Увидев входящих, он отодвинулся к изголовью, и в его широко раскрытых глазах читался животный страх.

– Не подходите! – его голос звучал неестественно хрипло. – Кто вы такие? Что сие за место? Сие не Лазаретный дом, я это вижу!

Пеллэм подошёл медленно, как приближаются к пугливому зверю, и остановился в нескольких шагах.

– Мы здесь, чтобы помочь, мистер Грейвз, – сказал он спокойно, намеренно используя это имя.

Человек на койке насторожился.

– Вы... вы знаете меня? – прошептал он.

– Мы кое-что слышали, – уклончиво ответил Пеллэм. – Вы говорите, вы каменотёс? Из Саутуарка?

– Так точно, добрый господин, – ответил тот, и в его интонациях проскальзывали подострастие и страх, совершенно не свойственные офицеру. – Джонатан Грейвз. Тружусь на подрядах у мистера Смита с Бермондси–стрит. Ночью лег спать в своей каморке, а очнулся... здесь. В сих хороммах. В теле какого-то... барина.

Сказав это, он с отвращением посмотрел на свои собственные, ухоженные руки.

Хоуксби, стоя у двери, фыркнул, но Пеллэм жестом велел ему молчать.

– Любопытно, – продолжил Пеллэм. – Мистер Грейвз, не могли бы вы описать ваш Саутуарк? Каков он?

И тогда "Джонатан Грейвз" начал рассказывать. Он говорил о грязных, немощёных улицах, о зловонии от кожевенных заводов, о тавернах, где по вечерам собирался сброд со всего района. Он описывал цены на хлеб и эль, детали своей работы с известняком и гранитом, названия улиц и переулков, давно исчезнувших с карты Лондона. Его речь была грубоватой, усыпанной вышедшими из употребления словами и оборотами, но абсолютно живой и убедительной.

Хоуксби слушал, и его скептическое выражение лица понемногу начало сменяться недоумением. Это было совершенно непохоже на обычный бред сумасшедшего.

Когда они вышли из палаты, Хоуксби первым нарушил молчание:

– Ладно, возможно, это не просто конфабуляция. Возможно, он где-то вычитал эти детали. В каком-нибудь старом дневнике или романе.

– Конфабуляция, инспектор, – возразил Пеллэм, зажигая трубку, – обычно создаёт обрывчатые, логически не связанные, часто фантастические образы. Мозг фабрикует воспоминания на скорую руку. То, что мы только что слышали... это была целостная, детализированная, внутренне непротиворечивая личность. И обратите внимание на его речь – это не просто

старомодный английский, это диалект и синтаксис, характерные именно для конца восемнадцатого века, причём для низших, необразованных слоёв. Этому не учат в офицерских училищах. Этому вообще нигде не учат. Такой язык можно было услышать только на улицах Лондона сто двадцать лет назад.

– Так что вы предполагаете? – спросил Хоуксби, и в его голосе впервые зазвучала не уверенность, а растерянность. – Что душа этого каменотёса вселилась в тело капитана? После того как его сердце остановилось?

Пеллэм выпустил струйку дыма в холодный больничный воздух.

– Я, инспектор, пока ничего не предполагаю. Я лишь констатирую факты. А факты таковы, что мы имеем физически тело капитана Эдварда Лоуренса. А ментально... мы имеем кого-то другого. Вопрос в том, кто этот "кто-то"? И является ли он тем, за кого себя выдаёт? Или же это нечто иное, использующее память давно умершего человека как маску?

Он повернулся к лейтенанту.

– Нам потребуются все медицинские отчёты о состоянии капитана. И, если это возможно, нам нужно поговорить с его женой. Миссис Лоуренс, я полагаю, всё ещё находится здесь?

Лейтенант кивнул.

– Она в комнате для посетителей. Но, профессор... она в ужасном состоянии.

– Подобное неизбежно, – вздохнул Пеллэм, – когда призраком становится не абстрактный дух, а твой собственный муж. Пойдёмте, инспектор. Наше "нестандартное" дело, кажется, только что приобрело историческое измерение. И, боюсь, оно куда сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Последующие два дня были посвящены самому тщательному, весьма дотошному расследованию, которое только можно было представить, – расследованию, объектом которого была не место преступления, а человеческое сознание. Доктор Пеллэм превратил небольшую, забронированную для них комнату при госпитале в подобие своей университетской лаборатории, куда по его просьбе приносили самые разнообразные предметы.

Инспектор Хоуксби наблюдал за этим с нарастающим смешанным чувством скуки и тревоги. Скуки – потому что всё это казалось ему игрой в бирюльки, не имеющей отношения к реальной полицейской работе. Тревоги – потому что с каждым новым исследованием игра эта становилась всё более жуткой и необъяснимой.

Их подопечный, капитан Лоуренс, или тот, кто в нём обитал, по-прежнему сидел в своей палате, сгорбленный и напуганный. Но теперь, помимо разговоров, Пеллэм начал ставить эксперименты.

Первый инцидент произошёл вечером, когда медсестра, как обычно, зажгла электрическую лампу на стене. "Грейвз" вскрикнул, отпрянул от неё, как от адского пламени, и, пятясь, упал на койку.

– Колдовство! – закричал он, заслоняясь рукой. – Свет без огня и масла! Дьявольские штучки!

Он сжал в кулаке край одеяла, и его пальцы совершили странное, судорожное движение, будто он пытался высечь искру из ничего. Хоуксби, наблюдавший за этим, мрачно отметил про себя, что движение это было точной копией жеста человека, привыкшего пользоваться кресалом.

На следующий день Пеллэм принёс большой лист ватмана и карандаш.

– Мистер Грейвз, – сказал он мягко. – Вы говорите, вы из Саутуарка. Не могли бы вы набросать для меня план? Изобразите на нем ваш дом, вашу мастерскую, соседние улицы.

"Грейвз" с недоверием посмотрел на карандаш, но взял его неуверенной, но крепкой рукой каменотёса. И затем, к изумлению Хоуксби, он начал рисовать. Линии были грубыми, но четкими. Он выводил извилистые улочки, ставил крестики там, где стояли церкви, заштри-

ховывал кварталы, поясняя: "Здесь кожевни, вон там – доки, а тут, на Бермондси–стрит, лавка мистера Смита". Он подробно изобразил район вокруг старого Лондонского моста, с его лабиринтом переулков и скученных домов.

Хоуксби, достав карманный план Лондона, сверился и покачал головой.

– Полная ерунда, профессор. Половины этих улиц не существует. Там сейчас склады и новые трактиры.

– Именно, инспектор, – не отрывая взгляда от рисунка, ответил Пеллэм. – Он рисует не современный Лондон. Он рисует Лондон, каким он был сто двадцать лет назад. И, судя по точности расположения известных исторических объектов, которые сохранились, он делает это по памяти с удивительной топографической точностью.

Но настоящий эксперимент начался тогда, когда Пеллэм перешёл к устным опросам. Он уселся напротив "Грейвза" с блокнотом, а Хоуксби, от нечего делать, занял место у окна, заранее приготовившись скептически хмыкать.

– Мистер Грейвз, – начал Пеллэм. – Вы упомянули вчера, что платите шесть пенсов за квартиру. Это недельная плата?

– Недельная? – "Грейвз" с недоумением посмотрел на него. – Годовая, сударь! Шесть пенсов в год за каморку под лестницей. И то дорого!

Пеллэм что–то отметил в блокноте.

– А хлеб? Сколько стоит буханка?

– Пенни, сударь. Чёрствый – и того дешевле. А эль в "Кривом судье" по два пенни за кружку. Хороший, крепкий.

Хоуксби не выдержал:

– "Кривой судья"? Что ещё за заведение такое?

"Грейвз" потупился, явно смущённый.

– Таверна, сэр. В Саутуарке. Не место для благородных господ.

Пеллэм продолжил, задавая вопросы о политике, о короле Георге III, о слухах, ходивших по городу. "Грейвз" оживился. Он с готовностью рассказывал о непопулярной войне с американскими колониями, о высоких налогах, о том, что король, мол, "тронулся умом", и о новомодных механизмах, которые лишают честных людей работы. Его знания были отрывочными, почерпнутыми из слухов и разговоров в пивных, но они были абсолютно аутентичными для своего времени. Он не цитировал учебники; он пересказывал сплетни, которые мог слышать простой ремесленник в 1782 году.

Хоуксби, вначале скептический, постепенно совершенно затих. Он видел, что Пеллэм не подсказывает ответы, а лишь задаёт вопросы. И ответы лились рекой. Причем все они были детализированные, полные жизни, и что самое главное – совершенно чуждые мировоззрению капитана Лоуренса, выпускника Итона и Сэндхерста.

На третий день Пеллэм принёс с собой портфель. Он достал оттуда несколько репродукций старинных гравюр.

– Мистер Грейвз, посмотрите на эти изображения. Узнаёте ли вы что–нибудь?

Он показывал ему виды Лондона, рынков, церквей. "Грейвз" кивал, комментировал: "А, это Старый мост, ещё до пожара", или "Церковь Святой Марии, я там как–то раз чинил карниз".

И тогда Пеллэм медленно положил перед ним ещё одну гравюру. На ней был изображён мрачный, покосившийся дом с вывеской, на которой угадывался силуэт судьи с кривым париком. Название было выведено готическим шрифтом: "The Crooked Judge"³.

Реакция была мгновенной и шокирующей. "Грейвз" буквально отпрянул, словно от удара хлыстом. Вся кровь отхлынула от его лица, сделав его мертвенно–бледным. Его дыхание пере-

³ англ. Кривой судья

хватило. Он с ужасом уставился на изображение, потом резко отвел взгляд, уткнувшись в одеяло.

– Нет... нет, прошу вас, уберите это, – прошептал он, и его голос дрожал. – Не место для честного человека. Там... там я и подписал свой договор.

В комнате повисла гробовая тишина. Даже Хоуксби замер, почувствовав как ледяные мурашки пробежали по спине.

Пеллэм не убирал гравюру. Он наклонился чуть ближе, его голос стал тише, но при этом твёрже.

– Какой договор, Джонатан?

Тот на койке сжался в комок, его плечи тряслись.

– Не могу... не могу говорить. Он сказал... он сказал, что нельзя никому.

– Кто он, Джонатан? – настаивал Пеллэм. – Тот, с кем вы говорили в таверне?

"Грейвз" кивнул, не поднимая головы.

– Тёмный джентльмен... Так он представился. В плаще, лицо постоянно укрыто в тени. Я... меня обвинили в краже. Но я не виновен, клянусь! Но улики были против меня. Мне грозила виселица, или каторга в колониях. Я отчаялся. Я сидел в "Кривом судье", заливал своё горе... и он подошёл. Сказал, что может помочь. Что даст мне шанс.

– Какой шанс? – тихо спросил Пеллэм.

– Шанс... начать всё заново. В другом месте. В другом... времени. Он назвал это "арендой". Временной арендой души. Я... я был так напуган. Я подписал. Я не читал, я не умею... я лишь поставил крест. А потом... потом я проснулся здесь.

Он замолчал, и тишина в комнате стала зловещей. Слова "аренда души" повисли в стерильном больничном воздухе, казалось, делая тусклее и без того скупой свет.

Пеллэм медленно убрал гравюру. Он посмотрел на Хоуксби. На лице инспектора не осталось и тени скепсиса. Был лишь шок и глубокая, неподдельная тревога.

Выйдя из палаты, они молча дошли до своего временного кабинета. Хоуксби первым нарушил молчание.

– Аренда души? – выдохнул он с отвращением. – Так это... что? Нечистая сила? Дьявол?

– Пока рано делать выводы, инспектор, – ответил Пеллэм, но и его обычная учёная невозмутимость была поколеблена. – Однако мы вышли за рамки простой психиатрии или мистификации. Перед нами явное свидетельство некоего договора, заключённого в прошлом веке. И, судя по всему, этот договор на днях... вступил в силу. Вопрос не в том, кто такой Джонатан Грейвз. Вопрос в том, кто такой этот "тёмный джентльмен"... и какую именно цену заплатит капитан Лоуренс за своё возвращение с того света. И главное – что является платой по этому договору?

Напряжение в маленькой комнате при госпитале достигло точки кипения. Воздух в ней густо наполнился табачным дымом от сигары Пеллэма.

– Наложение личностей! – настаивал Пеллэм, расхаживая взад-вперед перед столом, заваленным бумагами. – Редчайший, но задокументированный феномен. Травма, клиническая смерть... Мозг Лоуренса, как чистый лист, был заполнен чужим сознанием... сознанием Грейвза, которое по каким-то неизвестным законам психической физики сохранилось в эфире времени! Это не дух, инспектор, это психо-исторический реликт!

Хоуксби, сидя в кресле и мрачно уставившись в стену, жевал не закуренную сигару.

– Психо-исторический бред, профессор! – проворчал он. – Всё это – хитрая, до невозможности продуманная симуляция. Я не знаю, зачем и кому это нужно, но капитан Лоуренс кого-то разыгрывает. Может, он хочет списать со счетов какую-то свою тёмную историю? Сбежать от долгов? Или он просто сошёл с ума, и его безумие приняло такую причудливую форму!

– И где же он, выпускник военного училища, почерпнул такие детали о жизни лондонского простонародья восемнадцатого века? – парировал Пеллэм. – Его знания слишком специфичны, слишком... аутентичны. Это не вычитано в романах. Это прожито.

– Может, у него была любовница–историк? – саркастически бросил Хоуксби. – Чёрт возьми, профессор, вы же слышали его! Аренда души! Тёмный джентльмен! Это звучит как дешёвая мелодрама с захудалой театральной сцены!

Их спор прервал резкий стук в дверь. В комнату влетел запыхавшийся молодой констебль, лицо которого было бледным от волнения.

– Инспектор Хоуксби! Сэр! Срочно! В парке Вулидж–Коммон... найдено тело!

Хоуксби мгновенно преобразился. С него как ветром сдуло усталость и раздражение. Он встал и его взгляд моментально стал острым и собранным.

– Убийство?

– Да, сэр. И... и оно странное. Очень странное.

Пеллэм и Хоуксби обменялись быстрыми взглядами. Одно дело – спорить о природе сознания в стерильной больничной палате, и совсем другое – столкнуться с реальной, грубой смертью.

Парк Вулидж–Коммон, расположенный в полумиле от госпиталя, представлял собой унылое зрелище – пожухлая осенняя трава, голые деревья на фоне низкого свинцового неба. Место преступления, как и положено по инструкции, оцепили. Несколько полицейских стояли с каменными лицами, отгоняя редких зевак.

Тело лежало на промокшей земле, под старым, корявым дубом. Это был крепко сбитый мужчина лет пятидесяти, с огрубевшим, обветренным лицом отставного вояки. Его мундир был расстёгнут, на шее зиял глубокий, аккуратный разрез. Но удивительное заключалось не в причине смерти.

Тело было расположено неестественно. Оно не лежало, а было уложено. Руки были скрещены на груди, но ладони вывернуты наружу, пальцы неестественно растопырены. Ноги были согнуты в коленях и разведены в стороны, образуя странный угол. Вся поза была какой–то ритуальной, нарочитой, словно тело было частью какого–то жуткого спектакля.

– Оpoznан? – коротко спросил Хоуксби, присев на корточки.

– Да, инспектор, – ответил сержант. – Отставной сержант Арчибалд Дэлримпл. Известная личность в округе. Служил в том же полку, что и капитан Лоуренс. Прославился жестоким обращением с новобранцами. Несколько раз его чуть не под суд не отдавали. После отставки пил, буянил в тавернах. В общем, неприятный тип. Врагов было предостаточно.

Пеллэм, не говоря ни слова, обошёл тело кругом. Его взгляд упал на землю рядом с головой погибшего. Он наклонился, достав из кармана лупу.

– Инспектор, взгляните.

Хоуксби подошёл. На утоптанной земле кто–то выцарапал острым предметом, возможно, тем же ножом, странный символ. Он напоминал перевёрнутую и искривлённую букву "R", перечёркнутую зигзагообразной линией.

– Что это? Граффити? – спросил Хоуксби.

– Слишком аккуратно для граффити, – покачал головой Пеллэм. Он снова посмотрел на тело, на его вывернутые ладони, на эту жуткую, театральную позу. – Это сообщение. Или... подпись.

Внезапно Хоуксби выпрямился, его лицо озарилось пониманием, смешанным с недоверием.

– Сержант, капитан Лоуренс... Он ведь не отлучался из своей палаты? Он под охраной круглосуточно?

– Так точно, сэр. Каждый дежурный констебль докладывает, что никуда не выходил. Алиби железное.

Железное алиби. Эти слова словно повисли в холодном воздухе. Убийство явно было совершено несколько часов назад. Всё это время их главный, и единственный, подозреваемый находился под неусыпным наблюдением в запертой палате.

Обратная дорога до госпиталя была проделана в гробовом молчании. Хоуксби был мрачен и сосредоточен, его мозг лихорадочно искал логическое объяснение всему происходящему. Пеллэм же выглядел задумчивым, а его пальцы нервно барабанили по рукоятке трости.

Вернувшись, они направились напрямиком в палату Лоуренса. Всё выглядело как обычно – констебль у двери, "Грейвз" на койке, смотрящий в стену потерянным взглядом.

Хоуксби, всё ещё находясь во власти полицейского протокола, решил прощупать почву. Он подошёл к койке, стараясь говорить спокойно.

– Мистер Грейвз, – начал он. – Недалеко отсюда произошло неприятное происшествие. Убит человек. Отставной сержант. Его звали Арчибальд Дэлримпл. Вам не знакомо это имя?

Он не ожидал никакой иной реакции, как изумленное отрицание, или, возможно, полное безразличие.

Но произошло нечто иное.

"Грейвз" медленно повернул голову. Его движения были плавными и будто механическими. Он посмотрел на Хоуксби, и в его глазах – глазах капитана Лоуренса – не было ни страха, ни растерянности. В этих глазах был холодный, тяжёлый, бездушный взгляд. Уголки его губ медленно и как-то неестественно поползли вверх, складываясь в улыбку. Но это была не улыбка радости или облегчения. Это была жёсткая, жестокая гримаса торжества, совершенно чуждая лицу британского офицера. В ней была вековая, твердокаменная злоба лондонских трущоб.

В палате все замерли. Даже Пеллэм, стоявший в стороне, застыл, ощутив ледяной холодок.

"Грейвз" не сказал ни слова. Он лишь медленно, с наслаждением, как гурман, смакующий изысканное блюдо, провёл языком по губам. И затем, тихим, сильным шёптом, который, казалось, шёл не из его гортани, а из самой глубины времени, произнёс:

– Один долг оплачен. Старый счёт свѣден.

Хоуксби отшатнулся, словно от реального удара по лицу. Он смотрел на это знакомое лицо, искажённое абсолютно чуждой ему маской жестокости, и чувствовал, как последние опоры его рационального мира рушатся с оглушительным грохотом. Никакая симуляция, никакое сумасшествие не могло объяснить этого. Это было нечто совершенно иное.

Он молча развернулся и вышел из палаты, Пеллэм последовал за ним. Они дошли до своей комнаты, и Хоуксби, зайдя в неё, с силой захлопнул дверь. Он обернулся к профессору. Его лицо стало серым, голос срывался.

– Ладно, профессор. Допустим, это не симуляция. Что это тогда? – он с трудом выдавил из себя следующие слово, которое всегда презирал как не имеющие связи с реальностью и логикой. – Вселение злого духа? Призрак каменотѣса мстит за свои обиды?

Пеллэм стоял у окна, глядя на парк, где всего час назад они осматривали тело. Его профиль был напряжѣн.

– Хуже, инспектор, – тихо, но отчётливо произнёс он. – Я начинаю подозревать, что мы имеем дело не с призраком в привычном смысле. Не душа несчастного Джонатана Грейвза вселилась в тело офицера.

Он повернулся, и его глаза горели холодным, тревожным огнѣм.

– Я подозреваю, что некая сила, та самая, с которой Грейвз имел дело в таверне "Кривой судья", использовала его память, его личность, его обиды как маску. Как инструмент. Эта сила, этот "тѣмный джентльмен"... она сейчас здесь. Она активизировалась. И она методично, через разлом в реальности, созданный смертью Лоуренса, исполняет свою часть "договора".

Она сводит старые счёты Джонатана Грейвза. И сержант Дэлримпл, судя по всему, был лишь первым в этом списке.

Хоуксби смотрел на него, и в его голове, наконец, сложилась ужасающая картина. Это было не наваждение. Это была охота. И они оказались в самом её центре.

– Значит, – прошептал он, – убийца – не человек. И он не в палате. Он... везде. И мы не можем его арестовать.

– Пока не можем, – поправил его Пеллэм. – Но мы можем попытаться понять его логику. Если это месть Грейвза, то кто следующий? Кто ещё в этом старом списке? Нам нужно найти связь между Дэлримплом и Лондоном восемнадцатого века. И сделать это как можно скорее. Потому что следующий "долг", инспектор, может быть оплачен уже этой ночью.

Тишина в их импровизированном кабинете становилась взрывоопасной. После убийства Дэлримпла Пеллэм и Хоуксби действовали с лихорадочной целеустремленностью, но их усилия были направлены в разные стороны. Хоуксби, верный своему ремеслу, пытался выстроить вполне себе приземленные связи. Он изучал служебное дело Дэлримпла, опрашивал его сослуживцев, искал хоть какую-то зацепку, которая связала бы грубого сержанта с утончённым капитаном Лоуренсом. Результат был нулевым. Их пути едва пересекались.

Пеллэм же погрузился в архивы. С помощью сэра Гилберта, чьё влияние оказалось поистине безграничным, он получил доступ к историческим документам, хранившимся в подвалах Скотленд-Ярда и Британского музея. Он искал не улики, а тени. Тени давно забытых жизней.

Второй удар пришёл через сорок восемь часов. На этот раз в Блумсбери, где в своём кабинете, был найден зарезанным почтенный судья в отставке, сэр Реджинальд Эштон. Пожилой, уважаемый человек, известный своей благотворительностью. Убийство было совершено с той же неестественной жестокостью. Тело было уложено в вычурную, нелепую позу перед камином, а на полированном дубовом столе тем же острым лезвием был вырезан тот же символ – искривлённая "R", перечёркнутая зигзагом.

Когда Хоуксби и Пеллэм прибыли на место, инспектор был в ярости. Не только от самого преступления, но и от собственного бессилия.

– Связи нет! – сквозь зубы процедил он, осматривая кабинет. – Никакой связи между выпившим сержантом-садистом и этим... этим столпом общества! Лоуренс, опять-таки, под замком. Это просто какая-то насмешка над общественной безопасностью!

Пеллэм не слушал его. Он стоял на коленях перед столом, внимательно изучая вырезанный символ. Потом его взгляд упал на фамильный портрет, висевший над камином. На нём был изображён суровый мужчина в парике XVIII века, в мантии судьи.

– Инспектор, – тихо позвал он. – Как звали судью, председательствовавшего на процессе над Джонатаном Грейвзом?

Хоуксби оторвал взгляд от тела.

– Как это может быть связано?!

– Просто проверьте! – голос Пеллэма прозвучал на этот раз довольно резко.

Хоуксби, бурча, достал свою записную книжку, где были зафиксированы результаты их бесед с "Грейвзом".

– Судья... – он пробежался глазами по строчкам, – сэр Уолтер Эштон.

В кабинете мёртвого судьи повисла звенящая тишина. Оба мужчины медленно перевели взгляд на портрет над камином.

– Потомок, – прошептал Хоуксби. – Сэр Реджинальд – прямой потомок того самого судьи.

Пеллэм вскочил на ноги. Его глаза горели.

– Логика! Вот она! Сила, стоящая за "Грейвзом", не просто мстит. Она исполняет договор. Она методично устраняет всех, кто был причастен к гибели Джонатана Грейвза в его про-

шлой жизни! Сначала – сержант, олицетворяющий грубую силу и несправедливость системы. Теперь – потомок судьи, вынесшего неверный приговор. Она действует через разлом между мирами, созданный клинической смертью Лоуренса! Она использует его тело как якорь, но действует самостоятельно!

Хоуксби, наконец, увидел чудовищную картину целиком. Это была не цепь случайных убийств. Это был ритуал. Воздаяние, отложенное на полтора столетия.

– Значит, следующий... – начал он.

– Следующий, – перебил Пеллэм, – будет тот, с кем Грейвз заключил сделку. "Тёмный джентльмен". Исполнитель договора теперь пришёл за платой с самой второй стороны. За самой душой.

Они помчались обратно в госпиталь. Пеллэм, не церемонясь, ворвался в палату к "Грейвзу". Тот сидел, уставясь в стену, но в его позе уже не было прежней растерянности. В ней появилась некая усталая отрешенность.

– Джонатан! – бросил Пеллэм. – Твой "тёмный джентльмен". Как его звали? У него было имя?

"Грейвз" медленно повернул голову. В его глазах плескалась тёмная, бездонная усталость.

– Имя? Нет... он не назвал имени. Но... он дал мне знак. Показал перстень на своей руке. На нём был герб – птица, чёрная птица с распростёртыми крыльями, и в когтях у неё... пылающее сердце.

Пеллэм не стал ждать дальнейших объяснений. Он и Хоуксби снова ринулись в архивы. Теперь их поиски были целенаправленными. Они искали не судью и не сержанта, а аристократическую семью с таким гербом. Работа в читальном зале, пахнущем пылью и древностью, заняла несколько часов. И, наконец, Пеллэм, листая гербовник, издал короткое восклицание.

– Вот. Род Фэлконер. Девиз: "Sog meum in igne" – "Моё сердце в огне". Чёрный сокол с пылающим сердцем в когтях. Основатель рода, Мортимер Фэлконер, прославился в восемнадцатом веке как... удачливый делец и коллекционер редких диковинок. О нём ходили тёмные слухи. Говорили, что его богатство и удача были куплены дорогой ценой.

– И где сейчас обитают потомки этого мистера Фэлконера? – спросил Хоуксби, вглядываясь в гравюру с гербом.

– Основная линия пресекалась, – ответил Пеллэм, пробегая глазами по тексту. – Но есть побочная ветвь. Последний прямой потомок по мужской линии, майор в отставке Аларик Фэлконер, проживает в фамильном особняке на окраине Хэмпстеда. Дом... как здесь пишут, "известный своей дурной славой и странными происшествиями".

Они обменялись взглядами. Сомнений не было. Охотник приближался к своей главной цели.

Особняк Фэлконеров предстал перед ними в сумерках – мрачное, заброшенное на вид здание георгианской эпохи, скрытое за высокой оградой и разросшимся садом. Казалось, сама атмосфера вокруг него была мрачнее и темнее, чем в остальном городе.

Хоуксби распорядился выставить наружное наблюдение, но Пеллэм настаивал на том, чтобы устроить засаду внутри.

– Наружная охрана бесполезна против того, что может проходить сквозь стены, инспектор. Нам нужно быть там, где будет нанесён удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.